

Изгоев А.С. Возвышение Чехова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1930. 3 августа. № 6398. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Возвышение Чехова

Кто внимательно следил за современной зарубежной русской литературой, тот, конечно, не мог не отметить в журналах статей за подписью П. Бицилли. Всегда изящно написаны, всегда умны, глубоки, живы и остроумны, свидетельствующие не только о таланте, но и о больших знаниях автора. Автор, живущий ныне в Софии профессор Петр Михайлович Бицилли. Он специалист по всеобщей истории и по истории всеобщей литературы. Но диапазон его знаний так широк, что едва ли есть хоть один вопрос всемирной и русской культурной жизни, которым бы он не заинтересовался, над которым бы не размышлял.

При очень больших знаниях П. М. Бицилли совершенно чужд педантизма. Он чрезвычайно современен. Проще интересоваться им, как источником настоящего и предвестника будущего. Свою «современность» он только что доказал блестящим образом. Проф. П. М. Бицилли, человек поколения шестидесятых годов, первый заметил, литературно закрепил и объяснил ту новую тягу к Чехову, которая вдруг в настоящее время проявилась среди молодого поколения зарубежных русских. О том, что творится в этой области в С. С. С. Р., судить трудно. Там всюду стоят кривые зеркала. Подлинная литература в опале и в подполье. На поверхности и в казенных библиотеках на первом месте — глупая тенденциозная бездарь. Но, повидимому, тяга к Чехову сказывается и там.

Нельзя утверждать, что в зарубежных русских библиотеках Чехов стоит теперь на первом месте спрашиваемых книг. Библиотечная популярность писателя, конечно, важный культурный показатель, которым не следует пренебрегать. Но невозможно ставить его в главу угла. Кроме количественных, существуют еще и показатели качественные. Если выбрать из русской молодежи наиболее развитую часть людей со вкусом и с интересом к литературе, то на вопрос о русском писателе, наиболее им в данный случай близком, чаще всего услышим в ответ не Толстой и Достоевский, как можно было бы ожидать, а — Чехов.

На этот любопытный для современного настроения факт П. М. Бицилли обратил внимание. Сначала в небольшой заметке в «Числах», теперь в более обстоятельном докладе в Праге на собрании союза русских писателей П. М. Бицилли пытался объяснить это явление, по новому осветить все творчество А. П. Чехова.

Вызванный докладом П. М. Бицилли оживленным прения, в ко-

торая тип русского ученого в лице профессора из «Скучной истории».

Если угодно, Чехов один раз написал идеальный образ, правда, женский. Это его знаменитая «Душечка», пережившая своих мужей, мыслями и чувствами которых она жила и словами которых говорила и нашедшая последнюю пристань в духовном мире своего подростка-сына.

Тут мне, пришлось на собрании выступить в некоторую полемикосблестиям автором доклада о Чехове. Я позволил себе указать ему, что его мнение о «Душечке», как об идеальном типе, созданным Чеховым, очень остроумно и язвительно, но по существу своему это — всё же только бутада. Такой тонкий критик, как П. М. Бицилли, не мог не заметить иронической улыбки Чехова, с которой он творил свою «Душечку». Если уж говорить серьезно об идеальном порыве у Чехова при создании женского образа, то надо вспомнить не «Душечку», а «Даму с собачкой».

Образ идеального человека нет и там. Но в этом рассказе с большой яркостью запечатлен тот идеальный образ человеческих отношений, та подлинная настоящая свобода, которая, действительно, владела душой Чехова. Это не политическая, не формальная, но истинная, душевная, жизненная свобода, которая вне всяких политических форм всегда была присуща крупным русским людям и русской жизни вообще. Эта любовь захватывала и иностранцев, живших в России. Ею можно объяснить и нынешний успех Чехова в Европе. «Даму с собачкой» в этом отношении очень родственна недавнему прекрасному рассказу Бунина «Сол-

нечный удар». Политически И. А. Бунин стоит теперь на правом фланге русской мысли. Но в своем художественном творчестве он проникнут той же тягой к предельной духовной и жизненной свободе, как и Чехов. А над обоими висит гигант — Пушкин с его знаменитой «Одой из Пиндемонте».

Зависеть от властей, зависеть от народа...

Не все-ли нам равно!..

П. М. Бицилли вполне согласен, что указанная мною свобода, действительно составляет сердцевину чеховского творчества. Говоря о чеховском стремлении к полной правде, он имел в виду и эту свободу.

Молодой талантливый поэт Эйсер в развернувшейся беседе высказал, что для него и для людей его поколения никаких «сумерек» 80-х годов не существует. Любят они Чехова и наслаждением читают его не потому, чтобы у него было какое-нибудь общественное мировоззрение, а потому, что Чехов — поэт и от его рассказов веет неумиравшей красотой, поэзией и юмором.

Прав был председательствовавший в собрании В. Ф. Булгаков, когда утверждал, что доклад П. М. Бицилли — вежа в истории современной русской литературы. Он положил начало пересмотру старого литературного процесса, а в результате этого пересмотра русская литература получит нового великого писателя. У нас уже бывали такие пересмотры. Они нам дали в свое время Бартынского, Тютчева, Фета, позднее Лескова, которых еще в 70-х годах прошлого века критика третировала, как второстепенных писателей.

А. С. Изгоев.